

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В. В. Мосейко¹

Калининградский государственный технический университет
(Калининград, Россия)

УДК: 369.012

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПЕНСИОННАЯ СИСТЕМА

Предпринята попытка выявить связь между доверием, которое рассматривается через частное благо, клубное благо, частные внешние эффекты и общественное благо, и пенсионными системами, представленными в виде социальных контрактов вертикального и горизонтального типов. Руководствуясь типологией благ при анализе доверия, выявлено: доверие в пенсионном контракте горизонтального вида развивается в сети транзакций по поводу производства пенсионного блага и представляет собой совокупность различных его видов; в вертикальном контракте возможности пенсионного планирования индивидов и положение частных структур на рынке пенсионных благ ограничены, это уменьшает роль доверия как частного и клубного блага и усиливает значение доверия в виде общественного блага. Установлено, что в горизонтальном пенсионном контракте доверие является базовой предпосылкой для всех пенсионных взаимодействий. Эффективность горизонтального пенсионного контракта зависит от уровня доверия: низкое доверие увеличивает транзакционные издержки и делает нежизнеспособным пенсионное планирование. Показано, что в условиях низкого доверия удовлетворение пенсионных потребностей проще организовать через контракт вертикального типа, в котором пенсионные потребности удовлетворяются централизованно. Одновременно приведено суждение, что низкое доверие россиян по отношению к пенсионным институтам является результатом вертикального пенсионного контракта.

Ключевые слова: доверие, социальный контракт, пенсионное обеспечение, пенсионная система.

Цитировать статью: Мосейко, В. В. (2021). Проблема доверия и современная российская пенсионная система. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (5), 232–248. <https://doi.org/10.38050/013001052021511>.

¹ Мосейко Виктория Владимировна — к.э.н., доцент, Калининградский государственный технический университет; e-mail: vimoseiko@gmail.com, ORCID: 0000-0001-8574-222X.

V. V. Moseiko
Kaliningrad State Technical University
(Kaliningrad, Russia)
JEL: D86, H41, H55

THE PROBLEM OF TRUST AND MODERN RUSSIAN PENSION SYSTEM

The paper attempts to identify the relationship between trust viewed through private good, club good, private external effects and public good, and pension systems, presented in the form of vertical and horizontal social contracts. Guided by the typology of benefits in the analysis of trust, the author argues: trust in a horizontal pension contract develops in a network of transactions regarding the production of a pension good and is a combination of its various types. In a vertical contract, the possibilities of individuals' retirement planning and the position of private structures in the pension market are limited, that reduces the role of trust as a private and club good and strengthens the importance of trust in the form of a public good. The author shows that in a horizontal pension contract, trust is a basic prerequisite for all pension interactions. The effectiveness of a horizontal pension contract depends on the level of trust: low trust increases transaction costs and makes pension planning unviable. The author concludes that in conditions of low confidence, satisfaction of pension needs is easier to organize through a vertical type contract in which pension needs are satisfied centrally. At the same time, low trust of Russians to pension institutions is the result of a vertical pension contract.

Keywords: trust, social contract, pension provision, pension system.

To cite this document: Moseiko, V. V. (2021). The problem of trust and modern Russian pension system. *Moscow University Economic Bulletin*, (5), 232–248. <https://doi.org/10.38050/013001052021511>.

Введение

Доверие имеет значение. С конца XX в. эта идея обсуждается в экономической науке. В науке, как правило, выделяют три вида доверия: межличностное, обобщенное и доверие к институтам. На изучении первого специализируются психологи и социологи, второго и третьего — экономисты и политологи.

На экономическом языке доверие представляет собой механизм, сигнализирующий об оппортунизме контрагента в условиях асимметрии информации. Замечено, что высокий уровень доверия способствует снижению транзакционных издержек, низкий, напротив, их увеличивает (Gulati, 1995; 1998). Если транзакционные издержки представляют собой силу трения во взаимодействиях, то доверие является смазкой, способствующей ее уменьшению.

На микроуровне доверие как психическая установка (Dunning, Fetchenhauer, 2011; Тамбовцев В. Л., 2018, с. 580–581), ожидание (Robinson,

1996, p. 576; Тамбовцев В. Л., 2018, с. 584) и показатель социального капитала (Фукуяма, 2004) выступает важным звеном в экономических взаимодействиях, а на макроуровне является предпосылкой развития важнейших социальных институтов, становясь, таким образом, фактором экономического роста (Бэнфилд, 2019, с. 244–259; Roth 2009). Обнаружение связи между развитием экономики и доверием заставило исследователей искать способы агрегирования межличностных отношений (Бегельсдейк, 2016, с. 225–227, 260; Paxton, 1999, p. 99) и разработки методик измерения доверия (Miller, Mitamura, 2003).

Помимо непосредственного восприятия доверия через вопрос, сформулированный во Всемирном исследовании ценностей (The World Value Survey): «Как вы считаете, вообще говоря, можно ли доверять людям?» (Белянин, 2010, с. 15–19), применение которого ставится под сомнение некоторыми учеными (Putnam, 2000, с. 137–138; Miller, Mitamura, 2003), для оценки доверия проводятся также опросы по многоступенчатой шкале (Бегельсдейк, 2016, с. 266); ставятся эксперименты (*Reader's Digest*, 2013); выявляются косвенные характеристики доверия, так, обращается внимание на высоту заборов, количество охранных предприятий, детективных агентств, услуг адвокатов как проявления низкого социального доверия (Аузан, 2011; Белянин, 2010, с. 40); анализируется отношение к институтам (Rainer, Siedler, 2009) и организациям.

В данной работе исследуется доверие в процессе формирования пенсий посредством применения исторического, сравнительно-аналитического и эмпирического анализа. Нестандартность подхода в изучении доверия в пенсионном процессе состоит в том, что доверие анализируется через экономическую теорию благ, благодаря чему конструируются четыре его уровня, а фундаментальные принципы пенсионирования рассматриваются сквозь призму теории социального контракта (Мосейко, 2011; Мосейко, 2018; Мосейко, 2019). Зародившаяся еще в античный период в Греции и развитая в эпоху Просвещения, она остается популярной и в современный период, проблематике социальной контрактации посвящены труды Дж. Ролза, Л. Болтански, Л. Тевено, Д. Мюллера, Дж. Бьюкенена, Г. Таллока, Дж. Норта, Э. де Сото, А. Хиллмана. Российские ученые также уделяют внимание данной теории, с разных точек зрения социальная контрактация исследуется в работах А. Аузана и В. Тамбовцева, А. Золотова, Т. Сидориной, Г. Явлинского, Г. Монусовой, А. Ставинской и др.

В статье автором предпринята попытка сопоставления типа пенсионного контракта с уровнями доверия, а также выявления характеристик российского пенсионного контракта, связанных с доверием.

Цель работы — выявить влияние доверия на эффективность функционирования горизонтального и вертикального типов пенсионных контрактов.

Доверие как благо

Способствуя удовлетворению потребностей, доверие обладает полезностью и представляет собой благо, а потому может быть рассмотрено через стандартную типологию благ, включающую частные блага, клубные блага, частные внешние эффекты (социально значимые блага) (Масгрейв Р. А., Масгрейв П. Б., 2009), общественные блага (Samuelson, 1954).

Доверие как частное благо представляет собой индивидуальное решение как результат мыслительной деятельности индивида и отражает личное отношение индивида и его ожидания от деяний других индивидов, фирм, государства, а также восприятие социальных институтов. Доверие как частное благо лучше всего соотносится с межличностным доверием.

Доверие как клубное благо связано с принадлежностью к группе/организации, оно формируется в конкретных сообществах: в семье, рабочем коллективе и предполагает ожидания от деяний других индивидов внутри клуба, а также восприятие институтов, созданных в рамках данных групп/организаций. Помимо межличностного доверия, значимую роль для клубного блага приобретает обобщенное доверие и доверие к институтам.

Третья группа благ (социально значимые или частные внешние эффекты) предполагает ситуацию, когда исключить из пользования благом невозможно, а полезность от его потребления каждым дополнительным индивидом падает. В экономической теории такие блага часто бывают перегруженными. Применительно к доверию ситуация конкуренции в потреблении может возникать в случаях увеличения количества индивидов, усиливающих разнородность общества. Иначе говоря, речь идет о примерах социальной транзитивности, которые могут быть обусловлены разными процессами: идеологическими, например, переход от плановой экономики к рыночной; глобализационными, например, усиление миграционных потоков и др. В такие периоды уровень доверия снижается из-за наличия конкурирующих ценностей.

Доверие как общественное благо представляет собой всю совокупность ожиданий от поведения других экономических агентов: индивидов, фирм, государства, а также восприятия существующих в обществе институтов.

Доверие как социально значимое и общественное блага представляет собой агрегированное состояние доверия в обществе и потому связывается с доверием обобщенным.

Доверие и пенсионные системы

На дизайн пенсионных систем влияют различные социокультурные факторы, например, тип семейных отношений (Galasso, Profeta, 2018). В данной работе анализируется роль доверия в пенсионных отношениях.

В период, когда еще не были сформированы универсальные пенсионные системы под эгидой государства и спрос на пенсионное обеспечение удовлетворялся, как правило, семейным (Уваров, 2004) или цеховым образом (Грин, 2009; Райхер, 1947), доверие, основанное на семейно-родственных связях и выработанных традициях межпоколенных отношений о распределении обязанностей по уходу за престарелыми родственниками, часто являлось гарантом устойчивости сформированных институтов.

Из работ Грейфа (Greif, 1994; Грейф, 2013), где описаны средневековые общества магрибов и генуэзцев, известно, что институт доверия у первых был основан на родственных и клановых связях, а у вторых на механизме разрешения споров специализированными судами; в условиях деперсонализированных транзакций вторая система оказалась более пригодной. Благодаря Грейфу принято считать, что, в обществах, где доверие строится на формальных институтах, создается потенциал для дальнейшего социально-экономического развития. Вероятно, институционализацией доверия в социальном обеспечении объясняется популярность обществ взаимного страхования, распространившихся во многих странах мира по мере перехода к нуклеарной семье.

В (Грин, 2009) отмечается тенденция роста сообществ в Англии, осуществляющих взаимное страхование от разных социальных рисков вплоть до появления универсальных систем социального страхования. При этом доверие рассматривалось им как один из атрибутов свободного общества (Грин, с. 15) и основа обществ взаимного страхования (Грин, с. 68, 71, 169).

Эффективность пенсионирования, осуществляемого семейным способом или обществами взаимного страхования, обеспечивается высоким уровнем доверия между членами групп/организаций и описывается категорией «клубное благо». Низкий уровень доверия делает эти пенсионные схемы нежизнеспособными, поскольку приводит к существенному росту транзакционных издержек.

Появившиеся в XX в. универсальные пенсионные системы, основанные на принципах обязательной солидарности, заменили многочисленные децентрализованные схемы пенсионного планирования с рисками доконтрактного и постконтрактного оппортунизма одной централизованной. С точки зрения неоклассической экономической теории правила, вырабатываемые государством, рассматриваются как инструменты, устраняющие провалы рынка, в том числе асимметрию информации и риск оппортунизма. Однако достижение коллективных интересов возможно не только силой принуждения (Олсон, 1995, с. 14), в работах (Ostrom, 1990; Грин, 2009) показаны примеры эффективных институтов саморегулирования.

Главным достоинством перехода к единой государственной системе пенсионирования следует считать снижение транзакционных издержек,

что в обществах с низким межличностным доверием при условии выполнения государством пенсионных обязательств должно обеспечивать его рост. Между тем формирование универсальных систем пенсионного обеспечения под эгидой государств, объединивших население в одну-единую систему, не исчерпало проблемы доверия. Теперь она рассматривается главным образом в контексте отношения населения к пенсионным институтам: государственным или частным (Малева, 2014; Дементьев, 2015). Институциональное доверие является составным элементом каждого из рассмотренных выше типов благ: в частных благах оно оценивается через отношения индивидов к пенсионным институтам, в клубных, социально значимых и общественных представляет собой их агрегированные значения.

Пенсионная система как социальный контракт

Универсальные пенсионные системы представляют собой социальные контракты, иначе говоря, обмен, условия которого заранее известны и признаны обеими сторонами: граждане делегируют государству выполнение пенсионной функции, и это становится обязанностью последнего; государство устанавливает общие направления пенсионной политики, им задаются важнейшие параметры системы пенсионного обеспечения (Мосейко, 2011; Мосейко, 2018). В зависимости от преобладания жестких, диктуемых государством, правил пенсионирования или инструментов добровольного взаимодействия субъектов по поводу формирования пенсионного блага, контракт может быть преимущественно вертикальным или преимущественно горизонтальным. Вертикальный контракт характеризуется асимметричностью сторон, имплицитностью и преобладанием распределительного метода финансирования, в горизонтальном пенсионном контракте стороны имеют равные переговорные позиции, и накопление является финансовой основой эксплицитных пенсионных отношений (Мосейко, 2011; Мосейко, 2018б). Отсюда пенсионные институты, создаваемые в рамках вертикального контракта, — это часто правила, навязанные государством, в то время как пенсионный контракт горизонтального типа — это результат сложных общественных процессов, в которых принимали участие разные социальные группы от профсоюзов работников до профессиональных ассоциаций работодателей и представителей финансового рынка. Отсюда в странах с горизонтальным пенсионным контрактом (США, Чили) большое значение занимают частные структуры, а в пенсионных контрактах вертикального типа (РФ, Германия) их роль незначительна.

Эффективность горизонтального пенсионного контракта зависит от доверия в обществе, поскольку от его уровня зависят масштабы пенсионных

накоплений как реализации долгосрочных пенсионных планов. Низкое доверие увеличивает транзакционные издержки, связанные с заключением контракта и контролем за его соблюдением, и делает нежизнеспособным финансовый рынок.

Горизонтальный пенсионный контракт основывается на сотрудничестве и децентрализации, для вертикального характерны иерархия и централизация. Эффективный горизонтальный контракт требует высокого уровня доверия в обществе и к институтам, поскольку на его основе и происходит кооперация, в вертикальном контракте, напротив, доверие может быть низким.

Доверие как общественное благо в пенсионном контракте горизонтального вида развивается в сложной сети транзакций между экономическими агентами по поводу производства пенсионного блага. И поэтому представляет собой совокупность различных его видов. В вертикальном контракте доверие как общественное благо как бы устанавливается сверху по умолчанию.

Нерешенными остаются вопросы: как возникает доверие (Белянин, 2010, с. 44); что первично: доверие или социальный контракт? Думается, что связь между ними эндогенна. Тип социального контракта определяется в том числе уровнем доверия в обществе, там, где уровень его высок, нет необходимости переходить на централизованные практики, напротив, там, где доверие имеет низкий уровень, иерархия и централизация являются наиболее приемлемыми. С другой стороны, любая универсальная пенсионная система является результатом институционализации вертикальных отношений, приводящей к сокращению пенсионных горизонтальных схем вследствие одностороннего учреждения общенационального пенсионирования, часто по причинам, не связанным с доверием (Грин, 2009), и вытеснения с рынка частных структур вследствие распространения государственной монополии на пенсии (Мосейко, 2018б, с. 69). Это приводит к снижению обобщенного доверия в обществе.

Рассмотрим характеристики уровней доверия для двух типов пенсионных контрактов.

Таблица 1

Доверие в социальных пенсионных контрактах

Уровни доверия	Горизонтальный пенсионный контракт	Вертикальный пенсионный контракт
Доверие как частное благо	Является базовой предпосылкой для всех пенсионных взаимодействий	Не является обязательным и необходимым, поскольку все пенсионные взаимодействия опосредованы силой государственной власти

Уровни доверия	Горизонтальный пенсионный контракт	Вертикальный пенсионный контракт
Доверие как клубное благо	Является неотъемлемым атрибутом сегментированных пенсионных процессов; в группах, самостоятельно формирующих пенсии	Не представлено широко, поскольку в вертикальном пенсионном контракте группы выделяются законом установленными критериями; группы, как правило, не формируют пенсии самостоятельно, а включены в общий пенсионный процесс; частные структуры существуют, но имеют незначительную роль.
Доверие как частный внешний эффект	В накопительных системах увеличение количества экономических агентов не ведет к ухудшению пенсионного блага, и в этом смысле это не может негативно сказаться на доверии	В распределительных системах увеличение количества экономических агентов ведет к ухудшению экономического блага и это способствует снижению доверия
Доверие как общественное благо	Является результатом всех уровней доверия	Является результатом государственной пенсионной политики

Источник: составлено автором.

Доверие как частное благо является одновременно фундаментом и результатом всех межличностных взаимодействий и транзакций между экономическими агентами в сложном пенсионном процессе, где задействованы различные структуры, а решения по поводу формирования пенсии принимаются индивидами полностью и/или частично самостоятельно. Можно предположить, что, если уровень межличностного доверия низок, равно как и доверия к социальным институтам, то пенсионный контракт горизонтального типа не будет эффективным. Так, например, объяснить слабую востребованность пенсионных институтов, введенных в 2002 г. и предполагающих самостоятельное участие граждан, можно низким доверием как результатом транзитивного этапа (Denisova et al., 2010). Развитие горизонтальных взаимодействий происходит одновременно с повышением уровня доверия, а это процесс длительный, поскольку он опирается на обучение на ошибках, опыт, репутацию, формирование устойчивых институтов, работающих в долгосрочной перспективе. В условиях низкого доверия удовлетворение пенсионных потребностей проще организовать через контракт вертикального типа, когда все пенсионные взаимодействия опосредованы силой государст-

венной власти, а свободное волеизъявление граждан требуется в ограниченных случаях.

Доверие как клубное благо является продолжением развития горизонтальных пенсионных взаимодействий и относится к конкретным группам и структурам, участвующим в формировании пенсии, и поэтому не имеет широкого распространения и принципиального значения для реализации вертикального контракта.

Рассматривая доверие как частный внешний эффект в пенсионных отношениях, следует обратиться к методу финансирования пенсий, их традиционно выделяют два: распределительный и накопительный. Распределительный метод опирается на межпоколенную связь и требует определенных демографических условий, главным из которых является правило: каждое следующее поколение должно быть больше предыдущего. Изменение демографических параметров поставило под угрозу распределительное пенсионирование и, как следствие, усилило озабоченность выполнением пенсионных обязательств (Мосейко, 2018а) и снизило межпоколенное доверие (Мосейко, 2011). Таким образом, старение населения, которое означает увеличение доли пожилых в общей массе населения при одновременном снижении экономически активного населения, ведет к уменьшению полезности пенсионной системы. Это главный вызов перед пенсионными контрактами вертикального типа.

Другим примером увеличения участников пенсионной системы является распространение пенсионных прав на граждан бывших республик СССР за отдельные периоды, применение пенсионных преференций для отдельных групп и т.д., все это приводит к сокращению возможностей для других пенсионеров и соответственно подрывает доверие.

Пенсионное накопление предполагает индивидуальное участие, увеличение будущих пенсионеров и вовлечение их в пенсионные накопительные схемы, как правило, не имеет негативных последствий, напротив, чем больше участников, тем выше финансовые возможности структур, формирующих пенсии. Доверие здесь связывается главным образом с устойчивостью финансовых рынков и репутацией игрока на нем.

Доверие как общественное благо, с одной стороны, является результатом агрегирования всех указанных ранее уровней доверия и, таким образом, зависимым от них. Однако в вертикальном пенсионном контракте доверие как частное благо и тем более как клубное благо подавлено монопольным положением государства в производстве пенсии, а потому его характеристики определяются в меньшей степени взаимодействиями между экономическими агентами, а в большей степени национальной пенсионной политикой, устойчивостью пенсионных ин-

ституты и выполнением государством взятых на себя пенсионных обязательств.

Современный пенсионный контракт в России и доверие

Результаты социологических опросов (Пенсионеры..., 2015; Негативное..., 2018) и международных исследований (TRUST BAROMETER, 2019; TRUST BAROMETER, 2020; Denisova et al., 2010\$ WVS Wave 7 (2017–2020) говорят о низком доверии в российском обществе. На вопрос, можно ли доверять незнакомым людям, в опросе VSW 2017 г. положительно ответили только 22,9% респондентов, 74,6% высказались, что нужно быть очень осторожными (WVS Wave 7 (2017–2020). Уровень доверия к четырем секторам — власть, бизнес, НКО и СМИ (TRUST BAROMETER, 2019; TRUST BAROMETER, 2020) — самый низкий в РФ из 26 анализируемых стран и составил 36 пунктов в 2018 г., 29 — в 2019 г. и 30 — в 2020 г. (притом что высокий уровень доверия находится в диапазоне от 60 до 100 пунктов, а низкий уровень доверия (недоверия) от 1 до 49; лидером является Китай: в 2020 г. он набрал 82 пункта).

Политика последних лет ситуацию с доверием лишь усугубила. Так, негативное отношение подавляющего большинства населения к повышению пенсионного возраста (Негативное..., 2018) способствовало снижению доверия к власти (Одобрение президента и правительства, 2018).

В целях выявления причин низкого доверия подробнее остановимся на анализе источников доверия. В качестве них выделяют расчет как определение воздействия санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение обещания; знание как предсказуемость поведения исходя из предшествующего опыта или репутации; идентификацию как процесс выявления качеств контрагента (Lewicki, Bunker, 1996; Бегельсдейк, 2016, 223). Первый источник доверия имеет институциональную природу, а второй и третий — культурную.

Рассматривая российскую пенсионную систему как вертикальный социальный контракт, автором предпринимается попытка синтеза культурных и институциональных предпосылок доверия.

Поскольку индивиды имеют низкие возможности пенсионного планирования (Мосейко, Фролова, 2016) и положение частных структур на рынке пенсионных благ ограничено пенсионными правилами, устанавливаемыми государством (Мосейко, 2018б; Мосейко, 2019), то это уменьшает роль доверия как частного и клубного благ. Поэтому в данной работе внимание сосредоточено на источниках доверия, представленного как общественное благо, оно, как было сказано выше, с одной стороны, аккумулирует в себе все предыдущие уровни доверия, являясь их агрегированным состоянием, с другой стороны, в условиях вертикального пен-

сионного контракта доверие формируется силами государства при проведении пенсионной политики.

Пенсионная политика последних двух десятилетий характеризуется сменой ориентиров без определения круга ответственных за неудавшиеся пенсионные реформы, финансовые кризисы, потерю сбережений. Иницируя изменения, государство не считается с интересами экономических агентов, в результате возникают множественные социальные противоречия: между работниками и работодателями; между нынешним и будущим поколениями; между высокодоходными и низкодоходными работниками; между работниками из разных отраслей; между работниками, на которых распространены пенсионные преференции, и теми, кто выходит на пенсию на общих основаниях и др. (Мосейко, Фролова, 2016; Мосейко, 2018a), формирующие пенсионное неравенство (Мосейко, 2017) и вместе с ним социальную несправедливость.

Одновременно в обществе вырабатывается соответствующее знание о несправедливой пенсионной политике (Малева, 2014, с. 63, 76), которое способствует идентификации государства в негативном ключе (Дементьев, 2015, с. 154, 157, 167). Поскольку институт обладает таким свойством, как предсказуемость, и вследствие этого формирует обучение правилам игры, то постоянная институциональная изменчивость обучает ожиданиям на скорое изменение правил. Отсюда вместо определенности неопределенность, вместо доверия недоверие.

К тому же частое изменение правил формирования пенсий снижает степень информированности граждан (Малева, 2014, с. 61–62, 78–79) и их вовлеченность в пенсионный процесс. Непонимание пенсионного процесса рождает недоверие. Усугубляет положение сложность пенсионных правил: как общих, ориентированных на всех, так и регламентирующих дифференцированный порядок выхода на пенсию для отдельных групп.

Другими культурными детерминантами низкого доверия являются характеристики российского общества: патернализм (Синявская, 2008) и пассивность (Малева, 2014. С. 61, 62), которые одновременно можно рассматривать в качестве основы вертикального пенсионного контракта. Невозможно однозначно сказать, являются ли патернализм и пассивность причинами низкого доверия и социального контракта или, напротив, их следствиями. Вероятно, что эта связь также носит двусторонний характер.

Между тем очевидно, что указанные характеристики не способствуют развитию индивидуалистических тенденций, мешают развиваться частным структурам на рынке пенсионных услуг и оправдывают существование государства в пенсионной сфере. Одновременно пенсионная политика последних лет способствовала развитию патернализма и пассивности: мораторий на пенсионные накопления и реформа накопительной пенсии

привели к сокращению пенсионного накопления и снижению инициативности в пенсионном планировании. Интересно, что эти несправедливые новации были встречены населением и экспертным сообществом без малейшего сопротивления. Ярким примером отстраненности от пенсионного планирования является феномен молчунов: неинформированных, невовлеченных и безынициативных граждан в пенсионном процессе.

Итогом вертикального пенсионного контракта стали неуверенность в завтрашнем дне, ожидание быть обманутым, и отсюда низкая ставка дисконтирования и нацеленность на формирование краткосрочных потребительских стратегий, главным образом адаптивных (Мосейко, Фролова, 2016).

Эти выводы не говорят о невозможности горизонтального пенсионного контракта в России, необходимого в сложившихся демографических условиях. Попытка его становления была предпринята реформой 2002 г., когда помимо введения системы пенсионного страхования появилось и пенсионное накопление, реализуемое посредством частных структур финансового рынка. Подтверждением тому является, к примеру, рост участников негосударственного пенсионного обеспечения: если в 2000 г. их было 3375,2 тыс. человек, то в 2010 г. их было 6634,0 тыс. (Российский статистический ежегодник, 2020, с. 157). Пенсионные контрреформы привели к тому, что численность участников уменьшилась и к 2019 г. составила 6186,4 тыс. человек (Российский статистический ежегодник, 2020, с. 157).

Для горизонтального пенсионного контракта требуется высокий уровень доверия в обществе, в том числе доверия к институтам, а для роста доверия необходимы регулярные практики на рынке пенсионных услуг и устойчивые финансовые институты. Формирование таких условий предполагает главным образом проведение долгосрочной национальной пенсионной политики, выработку стабильных правил игры для всех участников рынка пенсионных услуг и интеграцию частных структур в пенсионный процесс. Предсказуемая и определенная среда способствует развитию рынка пенсионных услуг.

Если централизованные пенсионные отношения в рамках вертикального контракта затрудняют повышение доверия как частное, клубное, социально значимое благо и в конечном итоге общественное благо, то рост горизонтальных связей в пенсионном процессе может положительно влиять на укрепление всех типов доверия. Очевидно, это процесс длительный и требует заинтересованности государства.

Заключение

1. Доверие накладывает отпечаток на все стороны общественной жизни, способствуя социальному и экономическому прогрессу. Обладая

полезностью, доверие может быть рассмотрено как экономическое благо и представлено через типологию благ.

2. Становление и развитие пенсионных систем также связаны с доверием. Рассматривая пенсионные системы сквозь теорию социального контракта, автором предположено, что эффективная реализация горизонтального пенсионного контракта возможна при высоком уровне доверия и, напротив, вертикальный пенсионный контракт способен существовать в условиях низкого доверия.

3. Доверие в горизонтальном пенсионном контракте складывается из всех уровней доверия, которые в данной работе представлены через блага: частное, клубное, социально значимое и общественное. Доверие в вертикальном пенсионном контракте из-за уменьшения значения частного и клубного уровней сводится к общественному благу, формируемому главным образом национальной пенсионной политикой.

4. Российское общество характеризуется низким доверием. Этот факт подтверждается как результатами соцопросов, так и косвенными характеристиками, например, феноменом «молчунов»: пассивных, безынициативных граждан, не принимающих решений в рамках возможностей пенсионного планирования.

5. Существование вертикального пенсионного контракта на современном этапе, с одной стороны, можно объяснить низким доверием и попыткой снизить транзакционные издержки в горизонтальных транзакциях. С другой стороны, вертикальный пенсионный контракт сам по себе является источником низкого доверия, поскольку проводимая в последние два десятилетия пенсионная политика характеризуется императивностью, игнорированием экономических интересов и потребностей разных групп экономических агентов, необоснованной изменчивостью пенсионных правил и др. В таких условиях доверие формируется в контексте иерархичных отношений и является главным образом результатом российской пенсионной политики.

6. В долгосрочной перспективе вертикальный пенсионный контракт нежизнеспособен, главным образом из-за старения населения. Этим обусловлена необходимость перехода к горизонтальному пенсионному контракту. Для развития горизонтального контракта необходимо укреплять все типы доверия. Это сложный и длительный процесс, начало которому должно дать государство, установив длительные правила игры в пенсионном процессе и интегрировав в него частные структуры.

Список литературы

Аузан, А. А. (2011). *Институциональная экономика для чайников*. М.: Фэшн Пресс
Дата обращения 09.01.2020, <http://www.library.fa.ru/files/Auzan1.pdf>

Бегельсдейк, Ш., & Маселанд, Р. (2016). *Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современ-*

ности. М.; СПб, Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения. 464 с.

Белянин, А. В. (2010). *Доверие в экономике и общественной жизни* / А. В. Белянин, В. П. Зинченко. М.: Фонд «Либеральная миссия». 164 с.

Бэнфилд, Э. (2019). *Моральные основы отсталого общества*. М.: Новое издательство. 216 с.

Грейф, А. (2012). Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. *Экономическая социология*, т. 13, 2, 35–58.

Грин, Д. (2009). *Возвращение в гражданское общество: Социальное обеспечение без участия государства*: пер. с англ. М.: Новое издательство. 220 с.

Дементьев, Н. П. (2015). Пенсионная система в современной России: перманентное реформирование и неопределенность. *ЭКО*, 11, 153–168. <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-8-9-30>

Малева, Т. М. (2014). Человек в солидарной пенсионной системе. *Экономическая политика*, 2, 55–85.

Масгрейв, Р. А., & Масгрейв, П. Б. (1989). *Государственные финансы: теория и практика*. Пер. с 5-го англ. изд. М.: Бизнес Атлас, 2009. 716 с.

Мосейко, В. В. (2011). *Пенсионный социальный контракт как инструмент преодоления социально-экономических противоречий*: дис. ... канд. экон. наук. Томск, 2011. 170 с.

Мосейко, В. В. (2017). Пенсионное обеспечение в России: анализ неравенства. *Вестник МГУ. Серия 6: Экономика*, 3, 43–60. <https://doi.org/10.38050/01300105201733>

Мосейко, В. В. (2018). Институт пенсий: государство vs частная инициатива. *Журнал экономической теории*, 15, 2, 309–316.

Мосейко, В. В. (2019). Проблемы современного пенсионирования. *Журнал экономической теории*, 16, 1, 120–129.

Мосейко, В. В. (2018). Контрактные основы современного пенсионирования в России. *Вестник МГУ. Серия 6: Экономика*, 2, 59–74.

Мосейко, В. В., & Фролова, Е. А. (2016). Институциональные инновации российского пенсионного обеспечения и их влияние на пенсионные стратегии индивидов. *Вестник Уральского Федерального университета*, 2, 277–296. <http://dx.doi.org/10.15826/vestnik.2016.15.2.15>

Негативное отношение подавляющего большинства населения к повышению пенсионного возраста в совокупности с действием других факторов повлияло на общую атмосферу в обществе, заметно понизив показатели общественного настроения и доверия к власти. Дата обращения 01.08.2018, <https://www.levada.ru/2018/07/05/pensionnaya-reforma-3/>

Одобрение президента и правительства. 28.06.2018. Дата обращения 31.08.2021, <https://www.levada.ru/2018/06/28/odobrenie-prezidenta-i-pravitelstva/>

Олсон, М. (1995). *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп*. Пер. с англ. М.: ФЭИ. 174 с.

Пенсионеры не уверены в завтрашнем дне (2015). Дата обращения 01.08.2018, <https://www.levada.ru/2015/10/30/pensioneryne-uvereniy-v-zavtrashnem-dne/>

Райхер, В. К. (1947). *Общественно-исторические типы страхования* / АН СССР. Ин-т права. Л.: Изд-во АН СССР. 279 с.

Российский статистический ежегодник. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 700 с.

Тамбовцев, В. Л. (2018). Категория доверия в исследованиях менеджмента. *Российский журнал менеджмента*, 16(4), 577–600.

Уваров, П. Ю. (2004). *Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам*. М.: Наука. 671 с.

Фукуяма, Ф. (2004). *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак». 730 с.

Denisova, I., Eller, M., & Zhuravskaya, E. (2010). What do Russians think about transition? *Economics of Transition*, 18(2), 249–280.

Dunning, D., & Fetchenhauer, D. (2011). *Understanding the psychology of trust*. In: Dunning D. (ed.). *Social Motivation*. (Frontiers of Social Psychology). Psychology Press: N. Y.; pp. 147–170.

Galasso, V., & Profeta, P., (2010) When the State Mirrors the Family: The Design of Pension Systems. CESIFO WORKING PAPER NO. 3191 CATEGORY 1: PUBLIC FINANCE.

Greif, A. (1994). Cultural Beliefs and the Organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies. *Journal of Political Economy*, vol. 102, issue 5, 912–50.

Gualati, R. (1995). Does Familiarity Breed Trust? The Implications of Repeated Ties for Contractual Choice in Alliances. *The Academy of Management Journal*, vol. 38, 1 (Feb., 1995), 85–112.

Gualati, R. (1998). «Alliances and networks». *Strategic management journal*, 19, 293–317.

Lewicki, R.J. & Bunker B.B. (1996). Developing and Maintaining Trust in Work Relationships. In: Kramer, R. M. and Tyler, T. R., Eds., *Trust in Organizations: Frontiers in Theory and Research*, Sage Publications, Thousand Oaks, 114–139.

Miller, A. S., & Mitamura, T. (2003). Are surveys on trust trustworthy? *Social Psychology Quarterly*, vol. 66, 1, 62–70. <https://doi.org/10.2307/3090141>

Ostrom, E. (1990). *Governing the commons: the evolution of institutions for collective action*. Published by the press syndicate of the University of Cambridge. 280 p.

Paxton, P. (1999). Is Social Capital Declining in the United States? *A Multiple Indicator Assessment*. *American journal of Sociology*, vol. 105, 1, 88–127.

Putnam, R. D. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster. 544 p.

Rainer and Siedler (2009). Does democracy foster trust? *Journal of Comparative Economics*, vol. 37, issue 2, 251–269.

Reader's Digest. (2013). Dropped Wallets in 19 Cities to Find out Which One Was the Most Honest. Retrieved January 09, 2020, from <https://slate.com/business/2013/09/reader-s-digest-wallet-experiment-ranks-most-honest-cities.amp?fbclid=IwAR3d8VWcdwk0dqEKN6SNYbRWTJx5nT0TaE5nSTApRnryVJMwyxSNAWCly3I>

Robinson, S. L. (1996). Trust and breach of the psychological contract. *Administrative Science Quarterly*, 41(4), 574–599.

Roth, F. (2009). Does Too Much Trust Hamper Economic Growth? *Kyklos*, vol. 62, 1, 103–128. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6435.2009.00424.x>

Russian statistical yearbook. 2020: Statistical collection / Rosstat. M., 2020. 700 p.

Samuelson, P. A. (1954). The Pure Theory of Public Expenditure. *The Review of Economics and Statistics*, vol. 36, 4, 387–389.

TRUST BAROMETER. Global Report. (2019). Retrieved May 30, 2021, from https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2019-02/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report.pdf

TRUST BAROMETER. Global Report. (2020). Retrieved May 31, 2021, from <https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report.pdf>

References

- Auzan, A. A. (2011). *Institutional Economics for Dummies*. M.: Feshn Press. Retrieved January 09, 2020, from <http://www.library.fa.ru/files/Auzan1.pdf>
- Beugelsdijk S., Maseland R. (2016). *Culture in economics: history, methodological reflections and contemporary applications*. M.: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. 464 c. (In Russian).
- Beljanin, A. V. (2010). *Trust in economics and public life*. M.: Fond liberal'noi missii. 164 p. (In Russian).
- Benfield, E. (2019). *The moral foundations of a backward society*. M.: Novoe izdatel'stvo. 216 p. (In Russian).
- Greif, A. (2012). Institutions and the path to modern economics. Lessons from medieval trade. *Journal of Economic Sociology*, vol. 13, 2, 35–58. (In Russian).
- Grin, D. (2009). *Return to civil society: Social security without state participation*. M.: Novoe izdatel'stvo. 220 p. (In Russian).
- Dement'ev, N. (2015). Pension system in modern Russia: permanent reform and uncertainty. *Journal is a general economics publication*, 11, 153–168. (In Russian).
- Maleva, T. M. (2014). A person in a joint pension system. *Economic policy*, 2, 55–85. (In Russian).
- Musgrave, R. A., & Musgrave, P. B. (2009). *Public Finance: Theory and Practice*. M.: Biznes Atlas, 2009. 716 p. (In Russian).
- Moseiko, V. (2011). *Pension social contract as a tool to overcome socio-economic contradictions*. PhD thesis. Tomsk. 170 p. (In Russian).
- Moseiko, V. (2017). Pension benefits in Russia: inequality analysis. *Moscow University Economics Bulletin, Series 6*, 3, 43–60. (In Russian).
- Moseiko, V. (2018). Pension Institute: State vs Private Initiative. *Journal of Economic Theory*, vol. 15, 2, 309–316. (In Russian).
- Moseiko, V. (2019). Problems of modern retirement. *Journal of Economic Theory*, vol. 15, 1, 120–129.
- Moseiko, V. (2018). Contract bases of modern Russian retirement. *Moscow University Economics Bulletin, Series 6*, 2, 59–74. (In Russian).
- Moseiko, V. V., & Frolova, E. A. (2016). Institutional innovations of the Russian pension provision and their impact on the pension strategies of individuals. *Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management. Vol. 15*, 2, 277–296. (In Russian).
- The negative attitude of the overwhelming majority of the population towards raising the retirement age, together with the action of other factors, influenced the general atmosphere in society, significantly lowering indicators of public mood and confidence in the authorities. Retrieved August 01, 2018, from <https://www.levada.ru/2018/07/05/pensionnayareforma-3/> (In Russian).
- Approval of the President and Government. 28.06.2018. Retrieved August 31, 2021, from <https://www.levada.ru/2018/06/28/odobrenie-prezidenta-i-pravitelstva/>
- Olson, M. (1995). *The logic of collective action. Public goods and group theory*. M.: FEI. 1995. 174 p. (In Russian).
- Pensioners are not sure of the future (2015). Retrieved August 01, 2018, from <https://www.levada.ru/2015/10/30/pensioneryne-uvereny-v-zavtrashnem-dne/>
- Raiher, V. K. (1947). *Historical types of insurance*. L.: Izdatel'stvo AN SSSR. 1947. 279 p. (In Russian).

Russian statistical yearbook. 2020: Stat.sb./Rosstat. M., 2020. 700 p.

Tambovtsev, V. L. (2018). A Construct of Trust in Management Studies. *Russian Management Journal*, 16(4), 577–600 (In Russian).

Uvarov, P. Y. (2004). *XVI century France: The experience of reconstruction in notarial acts*. M.: Nauka. 671 p. (In Russian).

Fukuyama F. (2004). *Trust: social virtues and the path to prosperity*. M.: AST. 730 p. (In Russian).